

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (3)

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-97-107

ЭТНОГЕНЕЗ БАЛТИЙСКИХ ПЛЕМЁН В КОНТЕКСТЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Алексеев К. А.

*Тверская государственная сельскохозяйственная академия
170100, г. Тверь, ул. Василевского, д. 7, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить исходный ареал и временные границы миграции носителей балтских диалектов на территорию Прибалтики.

Процедура и методы. Проведён анализ данных палеогенетики с выявлением митохондриальных компонент, маркирующих балтский этнический пласт генофонда Прибалтики.

Результаты. Сделан вывод о прибытии древнейших балтов на исторические места обитания из ареала среднеднепровской культуры, первоначально в бассейн Западной Двины. В дальнейшем балты расселялись в направлении Немана и Вислы, прививая свой язык населению жуцевской (приморской) культуры.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщены новейшие данные палеогенетики, которые позволяют определить место балтийской группы диалектов в системе нордической макро-группы индоевропейской семьи и сделать системные выводы о первичном ареале обитания носителей культур шнуrowой керамики (включая славян и германцев).

Ключевые слова: балты, жуцевская культура, индоевропейцы, культура шнуrowой керамики, митохондриальные гаплогруппы, среднеднепровская культура

ETHNOGENESIS OF THE BALTIC TRIBES IN THE CONTEXT OF THE INDO-EUROPEAN PROBLEM

K. Alekseev

*Tver State Agricultural Academy
ul. Vasilevskogo 7, Tver 170100, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the initial area and time boundaries of migration of Baltic dialects speakers to the territory of the Baltic region.

Methodology. An analysis of paleogenetic data was carried out to identify those mitochondrial components that mark the Baltic ethnic layer of the Baltic gene pool.

Results. Based on the results of the study, it was concluded that the ancient Balts arrived in their historical habitats from the area of the Middle Dnieper culture, initially the Western Dvina basin.

Subsequently, the Balts settled in the direction of the Neman and Vistula, instilling their language into the population of the Zhutsev (Seaside) culture.

Research implications. The latest paleogenetics data are summarized, which make it possible to determine the place of the Baltic group of dialects with the system of the Nordic macro-group of the Indo-European family and to draw systematic conclusions about the primary habitat of the carriers of the Corded Ware cultures (including the Slavs and Germans).

Keywords: Balts, Zhutsevo culture, Indo-Europeans, Corded Ware culture, mitochondrial haplogroups, Middle Dnieper culture

Введение

Проблема этногенеза балтов, как, в прочем, и любой другой диалектной группы индоевропейской семьи, сводится к определению времени и места начала самостоятельного бытия конкретной диалектной группы, уже обособившейся от любых промежуточных языковых общностей.

С подачи американской исследовательницы литовского происхождения М. Гимбутас устоялась точка зрения, что балты как сепаратная диалектная группа начали своё бытие в рамках жуцевской культуры (по эпонимному памятнику Rzucewo близ польской Гдыни) бронзового века [3, с. 56]. Другие наименования той же культуры – *висло-неманская* или *приморская* – достаточно точно очерчивают ареал её распространения.

Анализ генофонда населения Прибалтики в бронзовом и железном веках

Мы ставили своей задачей на основе новейших данных палеогенетики описать состав древнейшего генофонда населения Прибалтики в бронзовом и железном веках, выявить те митохондриальные гаплогруппы (MtHg), которые могут маркировать собственно балтский этнический кластер и, наконец, определить откуда (из ареала какой археологической культуры) и когда носители этих генов могли прибыть в Прибалтику (табл. 1).

В ходе анализа установлено, что генофонд населения Прибалтики распадается на несколько хронологических пластов и этнических кластеров внутри них:

Таблица 1/ Table 1

Состав генофонда древнего населения Прибалтики / Composition of the gene pool of the ancient population of the Baltic region

Митохондриальная гаплогруппа	Место	Дата
1. U5a1b	могильник Звейниеки, Лимбажский край Латвии	4280±60 BP (Ua-19811)
2. U5a1c1	Kivutkalns, устье Западной Двины, Латвия	805–515 calBCE
3. H4a1a1a3	Turlojiske, Литва	1010–800 calBCE
4. H10a	Kivutkalns	730–400 calBCE
5. H28a	Kivutkalns	800–545 calBCE
6. H1b1	Kivutkalns	810–560 calBCE
7. H1b2	Kivutkalns	730–390 calBCE
8. H1c	Kivutkalns	790–535 calBCE
9. T1a1b	Kivutkalns	800–545 calBCE
10. J1b1a1	Kivutkalns	405–230 calBCE

Источники: [28; 29]

– *нулевой пласт*: гаплогруппа U5a1c1 (10% популяции) – автохтонная, мезолитическая, точные совпадения: Железные Ворота (Сербия, 5365 г. до н. э.), но гораздо важнее, что предковый субклад – U5a1c – встречается в самой Латвии дважды в том же самом могильнике (один датирован 5575 г. до н. э.) [28, sarr.tab. 1].

– *первый пласт*: гаплогруппа H28a (10% популяции) ранее в Прибалтике не обнаруживалась, зато встречается в культуре шаровидных амфор в Польше (2440 г. до н. э.) [28, sarr.tab. 1]. Аналогично происхождение гаплогрупп H1b2 и H1b2 (ещё 20% популяции) – ранее в Прибалтике не обнаруживались, в чистом виде аналогий также не удалось обнаружить, однако предковый субклад – H1b – встречается на том же памятнике КША в Польше, что и MtHg H28a [28, sarr.tab. 1].

Таким образом, около 30% популяции будущих балтов – это носители культуры шаровидных амфор. В силу этого вполне можно согласиться с мнением Э. Зальцмана, что именно носители КША сформировали жуцевскую культуру (наиболее ранние её древности, ещё не имевшие шнурового облика) [10, с. 22; 11]. Они ассимилировали, вероятно, малочисленный автохтонный субстрат Висло-Неманского междуречья (в отношении 3:1), но ещё не были собственно балтами, хотя вполне могли быть какой-то тупиковой ветвью индоевропейцев, учитывая происхождение КША от Ленгиеля [15, с. 80], и этнический статус Ленгиеля как западной ветви индоевропейской семьи [1]. По этому же основанию гаплогруппу H10a (10% популяции) мы можем отнести к наследию КША. Группа очень редкая, прямых аналогов мы ей не нашли, а предковый субклад H10 единственно встречается в неолитической культуре Сопот в Хорватии [28, sarr.tab. 1]. Если согласиться с мнением В. А. Сафронова о том, что культура Сопота участвовала в формировании культуры Ленгиель [16, гл. 6], то выстраивается вполне логичная

цепочка: Сопот – Ленгиель – КША – Жуцево.

Проникновение носителей КША в Прибалтику и формирование *протофазы* жуцевской культуры датируется 2520 г. до н. э. (Ki-11352, поселение Приморское, быв. Вальдбург в Восточной Пруссии) – 2470 г. до н. э. (Lod-290, Жуцево) [9, с. 115, 124].

Модель многофазного формирования жуцевской культуры предполагает, что в некоторый момент истории в ареал уже существовавшей культуры мигрируют носители шнуровой керамики и именно они прививают местному населению балтский язык; Жуцевская культура становится собственно балтской.

С этой второй (*классической*) фазой развития культуры связан *второй пласт генофонда*. Однако проблема заключается в том, что этот второй пласт генофонда распадается на несколько кластеров, каждый из которых имеет оригинальное происхождение и мог принести балтский язык в Прибалтику.

Тюрингский кластер назван так в силу гипотезы Л. Килиан о происхождении Жуцевской культуры от тюрингского варианта культуры шнуровой керамики, что подтверждается частым нахождением амфор тюрингского типа (А-амфор) на поселениях Прибалтики [9, с. 18, 26]. Действительно, гаплогруппа J1b1a1 (10% балтской популяции) подтверждает приход носителей шнуровой керамики из Германии (точный аналог встречается в Тифбрюнне, Бавария, 2144 г. до н. э.) [28, sarr.tab. 1].

К тюрингскому кластеру возможно отнести группу H1c. Как и во многих других случаях, прямых аналогов мы не встретили, однако предковый субклад – H1 – обнаруживается в культуре Рёссён (Ангальт, около 3700 г. до н. э.) [23, р. 356, 369, tab. 11.2]. Правда, аналогичный предковый субклад H1 мы обнаруживаем и в Деревке на Днепре (4045 г. до н. э.) [28, sarr.tab. 1], а это заставляет нас разделить вероятность отнесения гаплогрупп

пы Н1с в равных долях к тюрингскому и днепровскому кластерам.

Аналогичная ситуация с гаплогруппой T1a1b – точных аналогов нет, зато предковый субклад – T1a1 – встречается в германских культурах Северного Круга, но происходит с Днепра [2, с. 158, 164]. Встречаемость этого субклада в Малой Польше и Баварии [25, tab. S3] позволяет проследить путь носителей шнуровой керамики по Европе, но это не входит в предмет настоящего исследования.

Время появления тюрингского кластера в Прибалтике определяется необходимостью носителям культуры шнуровой керамики на своём пути из Центральной Германии миновать ареал великопольско-мазовецкой группы культуры шнуровой керамики (предположительно, праславянской). Появление в польской Куявии древностей из Центральной Германии синхронизируется с памятником Siniarzewo близ Вроцлавека (4180±40 BP, 2230 г. до н. э.) [24, р. 39, 41, taf. 63]. Только после этой даты носители тюрингских амфор могли появиться в Висло-Неманском междуречье, в ареале Жуцевской культуры. Наиболее явственно присутствие КШК обнаруживает себя в материалах поселения Швянтойи 1А (А-топор, А-амфора, сосуды с налечами), имеющего самую раннюю дату 4120±80 BP (ТА-246, 2170 г. до н. э.) [8, с. 52].

Днепровский кластер назван так в силу гипотезы Х. А. Моора о происхождении Жуцевской культуры от среднеднепровской культуры шнуровой керамики [14, с. 16–17]. И хотя современный специалист по приморской культуре Эдвин Зальцман безапелляционно и категорично отрицает участие среднеднепровской культуры [9, с. 26], однако палеогенетические данные доказывают ошибочность подобных суждений. Гаплогруппа U5a1b (10% популяции) ранее в Прибалтике не встречалась, зато многократно отмечена в неолитической Дереевке на Днестре (4350, 4260 гг. до н. э.) [2, с. 163]. Её появление в Прибалтике следует датировать

2330 г. до н. э., т. е. на столетие раньше тюрингского кластера.

В системной связи с палеогенетикой оказываются данные археологии – покойный носитель гаплогруппы U5a1b был погребён в овальной могильной яме в Звейниекки [22, с. 52]; такая форма устройства погребений была присуща среднеднепровской культуре на среднем этапе её развития [22, с. 39].

Анализируя культурные влияния на Жуцево, Э. Зальцман отмечает *очень много черт сходства* между приморскими древностями и материалами культуры Злота [9, с. 26]. Этот вывод находит подтверждение в данных палеогенетики, в силу чего мы выделяем *кластер Злота*. К нему, вероятно, относится гаплогруппа H4a1a1a3 (последние 10% популяции). Точных аналогий нами не обнаружено, однако предковый субклад – H4a1a1a – встречен в культуре воронковидных кубков (Święcica близ Сандомира, в ареале будущей культуры Злота) [25, tab. S1]. Учитывая участие воронковидных кубков в формировании Злоты [4, с. 202], воронковидный субстрат, несомненно, мог передать свои гены мигрантам из Злоты, позднее пришедшим в Прибалтику. Время их появления на поселениях жуцевской культуры определяется обнаружением амфоры культуры Злота в горизонте 12 поселения Ушаково-3 (Калининградская область) [10, с. 18, рис. 11:8]. Датировки горизонта 12 не проводились, но его расположение между горизонтом 11 (3510±90 BP) и горизонтом 13 (4430±60 BP) [10, с. 35] даёт среднюю дату 2020 г. до н. э., что на столетие позднее появления тюрингского кластера.

Результаты анализа генофонда древнего населения Восточной Прибалтики представлены в таблице 2.

В своё время О. Н. Трубачев проанализировал существующие лингвистические концепции происхождения балтских диалектов [21, с. 134]. Все они распадаются на 2 большие группы: одни исследователи (Т. Лер-Сплавинский, В. Пизани,

Таблица 2 / Table 2

Кластерный анализ генофонда населения Прибалтики в бронзовом и железном веках / Cluster analysis of the gene pool of the Baltic population in the Bronze and Iron Ages

Пласт или кластер	Составляющие группы	Время появления в Прибалтике	Доля в генофонде
Нулевой пласт	U5a1c1	автохтонная	10%
Пласт КША	H28a H1b2 H1b2 H10a	2520 г. до н. э. 2470 г. до н. э.	40%
Тюрингский кластер КШК	J1b1a1 H1 (½) T1a1b (½)	2230 г. до н. э. 2170 г. до н. э.	20%
Днепровский кластер КШК	H1 (½) T1a1b (½) U5a1b	2330 г. до н. э.	20%
Кластер Злота	H4a1a1a3	2020 г. до н. э.	10%
Итого			100%

Источник: составлено автором

Б. В. Горнунг, В. Н. Топоров, В. В. Иванов, В. В. Мартынов, В. В. Седов) с разными модификациями развивали идею изначального сатемного балто-славянского единства как промежуточной фазы истории обеих групп после выделения из индоевропейской семьи. В качестве доказательства приводится свыше 1600 сепаратных балто-славянских изоглосс. Другие лингвисты (А. Мейе, В. Шмид, Г. Майер, О. Н. Трубачев) говорили о независимом параллельном развитии балтского и славянского, с вероятной вторичной конвергенцией, в ходе которой и возникли многочисленные изоглоссы.

Подчеркнём, что ни одна из этих концепций не предполагала наличия некоего промежуточного балто-германского единства, что неудивительно при наличии всего 22 балто-германских изоглосс [12, с. 167] против 1600 балто-славянских. Таким образом, с точки зрения лингвистики как отправной базы для всего индоевропейского дискурса, мы должны исключить любую возможность совместного, сепаратного проживания балтов и германцев в одном ареале в не-

который момент истории. Мы также исключаем возможность происхождения носителей балтских диалектов (жуцевской культуры) из того же ареала (из Тюрингии), из которого происходят носители германских диалектов (культуры одиночных погребений и других культур Северного круга).

В силу этого имея прямое генетическое доказательство прихода около 2200 г. до н. э. носителей тюрингских амфор в ареал уже возникшей и длительное время существовавшей жуцевской культуры (2520–2230 гг. до н. э.), мы должны признать, что тюрингский кластер не мог быть носителем балтских диалектов, но вероятно, был носителями какой-то тупиковой ветви германского. Эти германцы были ассимилированы насельниками жуцевской культуры, хотя сильно повлияли на внешний (материальный) облик культуры Прибалтики.

Заведомо исключив тюрингский кластер из числа вероятных носителей балтских диалектов, мы должны сосредоточиться на 2 других кластерах культуры шнуровой керамики – днепровском и

Злота. При этом мы полагаем, что численность и время появления в Прибалтике принципиального значения не играют – даже самая поздняя волна миграции (из ареала Злота, 2020 г. до н. э.), чья доля в генофонде составила лишь 10%, вполне могла стать элитой общества и навязать ему свой язык. Аналогичным образом самая ранняя волна миграции, а это была днепровская (2330 г. до н. э.), соотношение с местным населением 2:5 в момент появления в Прибалтике, могла стать элитой, привить свой язык и ассимилировать обе последующие волны: как тюрингскую (безусловно ассимилированную), так и злотскую.

Единственным критерием, на наш взгляд, для разрешения данной исторической инвариантности является основание длительной культурной традиции. В частности, древности могильника Селга (4165±60 BP, Саулкрастский край Латвии) обнаруживают сходство с материалами Звейниекы [26, р. 313]. Кроме того, те носители шнуровой керамики, которые были погребены в могильнике Звейниекы (и с т. зр. палеогенетики, несомненно, происходили с Днепра), пользовались браслетами со специфическим орнаментом, каковые в дальнейшем встречаются в могильнике Абора-1 (1920–1820 гг. до н. э.) на Лубанской равнине [22, с. 52, 56]. Таким образом, носители днепровского кластера генофонда основали культурную традицию, которая длилась более 400 лет.

О культурном влиянии Злоты тако-го сказать нельзя, скорее наоборот: существует вероятность того, что это жуцевская культура оказывала влияние на Злоту, в которой обнаруживается немало изделий из балтийского янтаря [9, с. 26]. Всё это создаёт видимость торгового и культурного обмена между равными контрагентами, что исключает возможность культурного доминирования одного из них и, соответственно, навязывания своего языка.

В целом же и Х. А. Моор и И. И. Артеменко предельно правильно определили

метод, которым можно установить факт и степень участия среднеднепровской культуры в сложении висло-неманской культуры – *«этот вопрос может быть уяснен после того, как будут изучены памятники в Белоруссии»* [14, с. 16], *«в междуречье Верхнего Днепра и Немана»* [22 с. 42], и будут найдены связующие звенья между двумя культурами.

В последние годы пограничье Белоруссии, Смоленщины и Псковщины достаточно интенсивно изучается археологами [6; 27]. Здесь был выделен локальный вариант культурно-исторической общности шнуровой керамики – *северо-белорусская культура* [18, с. 221; 19]. При этом было установлено, что на поселении Сертея II (близ Велижа на Западной Двине) имеется несомненно пришлая (по терминологии авторов – импортная) керамика, которую характеризует примесь дресвы и лоскутная техника (преобладают в постройке № 3) [13, с. 239, 240; 27]. Данные керамические «импорты» петербургская исследовательница Е. С. Ткач определяет как происходящие из среднеднепровской культуры [17, с. 165].

Присутствие среднеднепровской культуры на Ксендзовой Горе близ Быхова несомненно и синхронизируется с поселением той же культуры Прорва-4 близ Рогачева [30]. Прорва-4 имеет 2 даты: 4299±110 BP (SPb-1992), 4200±120 BP (SPb-1774) [5]. Таким образом, проникновение носителей среднеднепровской культуры на Верхний Днепр мы, безусловно, должны приурочить к 2349 г. до н. э. Вопрос следующий: проникают ли носители среднеднепровской культуры далее на север и переходят ли на Западную Двину в соответствии с данными археологии?

Мы критически относимся к вероятности того, что *сосуды горшечников* могли быть предметом торговли или культурного обмена. Мы полагаем, что появление любого столь хрупкого и массового предмета может быть связано только с миграцией некоторой группы населения,

которая на новом месте жительства сохраняет и воспроизводит традиционную керамическую технологию.

В силу этого мы убеждены, что носители среднеднепровской культуры действительно переходят с Днепра в бассейн Западной Двины и проникают на поселение Сертея II. Этот момент определяется по датировкам постройки № 3: 4280 ± 160 BP (Ле-6197), 4200 ± 120 BP (SPb-1179) [7, с. 79, 81], что синхронно с датировками Прорвы-4 и Ксендзовой Горы. Спускаясь вниз по Двине, носители среднеднепровских генов (гаплогруппы U5a1b) проникают в Латвию (Звейниекы, 2330 г. до н. э.). Таким образом, археологические и палегенетические данные оказываются в системной связи друг с другом, причём археология позволяет проследить путь носителей днепровских генов: Прорва-4 – Ксендзова Гора – Сертея II – Звейниекы.

Заключение

Перед нами ряд неоспоримых фактов:

1. носители среднеднепровской культуры действительно около 2330 г. до н. э. присутствуют на поселении Сертея II в бассейне Западной Двины;

2. митохондриальные гаплогруппы (U5a1b и другие), бытовавшие на Среднем Днепре со времён Неолита (Деревянка) действительно обнаруживают себя в Латвии (Звейниекы) синхронно с появлением днепровцев на Западной Двине – около 2330 г. до н. э.;

3. культурные традиции Звейниекы получают продолжение в Абора-1 (1920 г. до н. э.), когда население Латвии уже несомненно говорило на балтских диалектах.

В силу этого мы можем утверждать следующее:

- около 2330 г. до н. э. имела место миграция носителей среднеднепровской культуры шнуровой керамики в Латвию, которые по лингвистическому статусу были прото-балтами;
- численность носителей среднеднепровской культуры (прото-балтов), вероятно, составляла паритет с мест-

ным населением (1:1). В силу этого носители среднеднепровской культуры оказали ключевое влияние на возникновение латышского варианта культуры шнуровой керамики (ладьевидных топоров), привив все-му местному населению балтский диалект индоевропейского языка;

- территория современной Латвии стала центром распространения традиций культуры ладьевидных топоров и балтских диалектов. Носители шнуровой керамики (балты) проникают отсюда на север – в Эстонию и Финляндию, но там их влияние сказывается только в материальной культуре, тогда как в духовном (лингвистическом) аспекте балты оказываются ассимилированы финно-угоским субстратом, который сумел сохранить свой язык до настоящего времени;

- проникновение балтов из Латвии в направлении Немана и Вислы оказалось более продуктивно. На поселении Цедмар А (датируется 3690 ± 110 BP, Ле-1320) в Восточной Пруссии (современная Калининградская область России) обнаруживаются изделия из кости, аналогичные, найденным в могильнике Селга в Латвии (2215 г. до н. э.), относящимся к кругу памятников типа Звейниекы [20, с. 86, 93]. Это доказывает, что культурные традиции, принесённые балтами среднеднепровской культуры в Звейниекы, продолжают бытовать не только на территории самой Латвии (в Абора-1), но проникают вплоть до Восточной Пруссии и прочно удерживаются там.

В Восточной Пруссии и в Литве балты встречаются с этническим конгломератом жуцевской культуры шнуровой керамики, в котором участвовали автохтонные элементы, а также мигранты из тюрингского ареала шнуровой керамики и носители культуры шаровидных амфор. До появления балтов в жуцевском конгломе-

рате, начиная с 2200 г. до н. э., доминировал тюрингский кластер (некоторая тупиковая ветвь германцев). Соотношение жуцевского (германо-язычного) субстрата и пришлого латышского (балто-язычного) суперстрата составляло, предположительно, 6:3. Тем не менее балтский (латышский) суперстрат к 1740 г. до н. э., когда в Цедмаре А проявляют себя латышские культурные традиции, полностью ассимилировал жуцевский субстрат, и таким образом вся Прибалтика от Вислы до Западной Двины и границы с Эстонией стала говорить на балтских диалектах индоевропейского языка.

Представленная модель распространения балтских языков не может считаться окончательной, пока не будет установлено, что другие модели (в частности, злотская) не обладают достаточной объясняющей силой. Кроме того, необходимо установить более точные сроки проникновения балтских диалектов в ареал висло-неманской культуры, а главное – системно объяснить наличие балтских топонимов вдоль всего южного побережья Балтики от польского Поморья до Нижней Саксонии, т. е. за пределами исторической области обитания балтов (к востоку от Вислы).

Дата поступления в редакцию 19.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев К. А. К вопросу о происхождении индо-иранцев и тохар в свете новейших данных генетики // *Genesis: исторические исследования*. 2020. № 12. С. 34–43.
2. Алексеев К. А. Происхождение нордической группы индоевропейцев в свете новейших данных палеогенетики // *Известия Смоленского гос. университета*. 2022. № 2. С. 156–172.
3. Гимбутас М. Балты. М.: Центрполиграф, 2004. 223 с.
4. Григорьев С. А. Миграции степных племен в Европу в конце IV–III тыс. до н. э. и формирование культур шнуrowой керамики // *Уфимский археологический вестник*. 2022. Т. 22. № 2. С. 194–210.
5. Езепенко И. В., Езепенко И. Н. Новые данные абсолютного датирования поселений неолита – раннего периода эпохи бронзы Верхнего Поднепровья // *Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене: доклады науч. конф.* / Гло ред. А. А. Выборного. СПб.: Музей Этнографии и Антропологии РАН. 2017. С. 116–119.
6. Езепенко И. Н. Мультидисциплинарные исследования на стоянке Небышино 1 в верховьях Березины в 2018–2019 годах // *Camera Praehistorica*. 2021. № 1. С. 120–140.
7. Зайцева Г. И., Кулькова М. А., Мазуркевич А. Н. Радиоуглеродная хронология неолита Днепро-Двинского междуречья // *Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы: мат-лы конф.* СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа и РАН, 2014. С. 65–86.
8. Зальцман Э. Б. Проблемы хронологии памятников культуры шнуrowой керамики Юго-Восточной Прибалтики // *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта*. 2009. Вып. 12. С. 52–56.
9. Зальцман Э. Б. Поселения культуры шнуrowой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики. Тверь, 2010. 114 с.
10. Зальцман Э. Б. К проблеме происхождения приморской культуры (по материалам раскопок поселений Прибрежное и Ушаково-3) // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2016. № 1. С. 6–38.
11. Зальцман Э. Б. «Аморфный» компонент в восточной группе Приморской культуры (2800–2200 гг. до н. э.) // *Краткие сообщения Института Археологии РАН*. 2022. № 269. С. 49–69.
12. Кузьменко Ю. К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2011. 266 с.
13. Динамика культурных изменений — локальные традиции и импорты в керамическом производстве свайных поселений (памятник Сертея II, Смоленская обл.) / А. Н. Мазуркевич, Е. В. Долбунова, М. А. Кулькова, М. Режер, А. Мазуй // *Археология озерных поселений IV–*

- II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы: мат-лы конф. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа и РАН, 2014. С. 238–247.
14. Моора Х. А. О древней территории расселения балтийских племен // Советская Археология. 1958. № 2. С. 9–33.
 15. Мэллори Дж. П. Индоевропейские прародины // Вестник древней истории. 1997. № 1. С. 61–82.
 16. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. 400 с.
 17. Ткач Е. С. Распространение традиций культур шнуровой керамики в верховьях Западной Двины в III тыс. до н. э. // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3. С. 163–171.
 18. Ткач Е. С. Распространение традиций культур шнуровой керамики в верховьях Западной Двины: вопросы хронологии и культурной атрибуции // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене: сб. докладов науч. конф. СПб.: Музей Этнографии и Антропологии РАН, 2017. С. 220–224.
 19. Ткач Е. С. Модели распространения культур шнуровой керамики в Верхнем Подвинье // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История, 2019. Т. 64. № 2. С. 621–638.
 20. Ткач Е. С., Малютина А. А., Кулькова М. А. Материалы культур шнуровой керамики на памятнике Цедмар А, Юго-Восточная Прибалтика // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2022. № 2. С. 84–96.
 21. Трубаев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Трубаев О. Н. К истокам Руси. М.: Алгоритм, 2013. С. 121–150.
 22. Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Ж. В. Андреева, И. И. Артеменко, О. Н. Бадер и др. М.: Наука, 1987. 472 с.
 23. Brandt G. Beständig ist nur der Wandel! Die Rekonstruktion der Besiedelungsgeschichte Europas während des Neolithikums mittels paläo- und populationsgenetischer Verfahren: Dissertation. Mainz, 2014. 367 p.
 24. Furholt M. Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik in Mitteleuropa und Südkandinavien. Bonn, 2003. 282 p.
 25. Juras A., et al. Maternal genetic origin of the Late and Final Neolithic human populations from present-day Poland // American Journal of Physical Anthropology. 2021. № 176. P. 223–236.
 26. Macâne A., Nordqvist K. More than just Zvejnieki: an overview of Latvian Stone Age burial // European Journal of Archaeology. 2021. № 24. P. 299–323.
 27. Maicher C., et al. First Contribution of Paleoparasitology to the Study of Coprolites from the Neolithic Site Serteya II (NW Russia) // Journal of Archeological Science. Reports. 2021. Vol. 38. P. 93–103.
 28. Mathieson I., et al. The Genomic History of Southeastern Europe // Nature. 2018. № 555. P. 197–203.
 29. Mittnik A. et al. The Genetic History of Northern Europe [Электронный ресурс]. URL: <https://www.biorxiv.org/content/10.1101/113241v1.full.pdf> (дата обращения: 06.01.2024).
 30. Крывальцэвіч М. Мохаў-IV і перспектыва вылучэння асобнага тыпу паселішчаў сярэднядняпроўскай культуры на Верхнім Падняпроўі // Vir Bimaris: Archaeologia Bimaris. Poznań. 2019. Vol. 5. P. 719–736.

REFERENCES

1. Alekseev K. A. [To the question of origin of Indo-Iranians and Tocharians in light of the newest genetic data]. In: *Bytiye: istoricheskiye issledovaniya* [Genesis: historical research], 2020, no. 12, pp. 34–43.
2. Alekseyev K. A. [Origin of the Nordic group of Indo-European group in the light of the latest paleogenetics data]. In: *Izvestiya Smolenskogo gos.universiteta* [Izvestia of Smolensk State University], 2022, no. 2, pp. 156–172.
3. Gimbutas M. *Balty* [Balty]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004. 223 p.
4. Grigoriev S. A. [Migrations of the steppe tribes to Europe in the late 4th–3rd millennium BC and formation of the Corded Ware cultures]. In: *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], 2022, vol. 22, no. 2, pp. 194–210.
5. Yazepenko I. V., Yazepenko I. N. [New data on absolute dating of Neolithic – Early Bronze Age settlements in the catchment of the Upper Dnieper River]. In: Vybornov A. A., ed. *Kulturnyye protsessy v tsirkumbaltiyskom prostranstve v rannem i srednem golotsene* [Cultural processes in the Circum-Baltic space in the early and middle Holocene]. St. Petersburg, Muzei Etnografii i Antropologii RAN, 2017, pp. 116–119.

6. Yazepenko I. N. [Multidisciplinary researches of Nebyshino 1 site at the upper reaches of the Berezina river in 2018–2019]. In: *Camera Praehistorica*, 2021, no. 1, pp. 120–140.
7. Zaiceva G. I., Kulkova M. A., Mazurkevich A. N. [Radiocarbon chronology of Neolithic of Dnepr-Dvina region]. In: [Archeology of lake settlements of the IV-II millennium BCE: chronology of cultures and natural-climatic rhythms: materials of the conference]. St. Petersburg, Muzei Etnografii i Antropologii RAN, 2014, pp. 65–86.
8. Salzman E. B. [Problems of the chronology of monuments of the Corded Ware culture of the South-Eastern Baltic]. In: *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of I. Kant Baltic Federal University], 2009, vol. 12, pp. 52–56.
9. Salzman E. B. *Poseleniya kultury shnurovoy keramiki na territorii Yugo-Vostochnoy Pribaltiki* [Settlements of the Corded Ware culture in the South-Eastern Baltic region]. Tver, 2010. 114 p.
10. Salzman E. B. [On the problem of the origin of coastal culture (based on materials from excavations of the settlements of Pribrezhnoye and Ushakovo-3)]. In: *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [Bulletin of I. Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social sciences], 2016, no. 1, pp. 6–38.
11. Salzman E. B. [The Amphora component in the eastern group of the Pomeranian culture (2800–2200 BC)]. In: *Kratkiye soobshcheniya Instituta Arkheologii RAN* [Brief communications of the Institute of Archeology], 2022, no. 269, pp. 49–69.
12. Kuzmenko Yu. K. *Ranniye germantsy i ikh sosedi: Lingvistika, arkheologiya, genetika* [Early Germans and their neighbors: Linguistics, archeology, genetics]. St. Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 2011. 266 p.
13. Mazurkevich A. N., Dolbunova E. V., Kulkova M. A., Reger M., Mazuy A. [Dynamics of cultural changes - local traditions and imports in the ceramic production of pile settlements (monument to Sertey II, Smolensk region)]. In: *Arkheologiya ozernykh poseleniy IV–II tys. do n. e.: khronologiya kultury i prirodno-klimaticheskiye ritmy* [Archeology of lake settlements of the 4th–2nd millennium BCE: chronology of cultures and natural-climatic rhythms]. St. Petersburg, zd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha i RAN, 2014, pp. 238–247.
14. Moora H. A. [About the ancient territory of settlement of the Baltic tribes]. In: *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archeology], 1958, no. 2, pp. 9–33.
15. Mallory J. P. [Indo-European ancestral homelands]. In: *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of ancient history], 1997, no. 1, pp. 61–82.
16. Safronov V. A. *Indoevropeyskiye prarodiny* [Indo-European ancestral homelands]. Gorky, 1989. 400 p.
17. Tkach E. S. [Distribution of the Corded Ware cultures traditions in the upper Western Dvina region in the III millennium BC]. In: *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], 2017, vol. 6, no. 3, pp. 163–171.
18. Tkach E. S. [Distribution of the Corded Ware Cultures traditions in the Upper Western Dvina region: questions of chronology and cultural attribution]. In: *Kulturnyye protsessy v tsirkumbaltiyskom kulturnom prostranstve v rannem i srednem golotsene* [Cultural processes in the Circum-Baltic space in the early and middle Holocene]. St. Petersburg, Muzei Etnografii i Antropologii RAN, 2017, pp. 220–224.
19. Tkach E. S. [Models of the Corded Ware culture distribution in the Upper Western Dvina River]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Vestnik of St. Petersburg University. History], 2019, vol. 64, no. 2, pp. 621–638.
20. Tkach E. S., Malyutina A. A., Kulkova M. A. [Corded Ware culture materials at Zedmar A site, South-Eastern Baltic]. In: *Pervobytnaya arkheologiya. Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies], 2022, no. 2, pp. 84–96.
21. Trubachev O. N. [Linguistics and ethnogenesis of the Slavs. Ancient Slavs according to etymology and onomastics]. In: Trubachev O. N. *K istokam Rusi* [To the origins of Rus]. Moscow, Algorithm Publ., 2013, pp. 121–150.
22. Bronze Age of the forest belt of the USSR. M.: Nauka, 1987. 472 p.
23. Brandt G. *Beständig ist nur der Wandel! Die Rekonstruktion der Besiedelungsgeschichte Europas während des Neolithikums mittels paläo- und populationsgenetischer Verfahren: Dissertation*. Mainz, 2014. 367 p.
24. Furholt M. *Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik in Mitteleuropa und Südsandinavien*. Bonn, 2003. 282 p.

25. Juras A. et al. Maternal genetic origin of the Late and Final Neolithic human populations from present-day Poland. In: *American Journal of Physical Anthropology*, 2021, no. 176, pp. 223–236.
26. Macâne A., Nordqvist K. More than just Zvejnieki: an overview of Latvian Stone Age burial. In: *European Journal of Archaeology*, 2021, no. 24, pp. 299–323.
27. Maicher C. et al. First Contribution of Paleoparasitology to the Study of Coprolites from the Neolithic Site Serteya II (NW Russia). In: *Journal of Archeological Science. Reports*, 2021, vol. 38, pp. 93–103.
28. Mathieson I. et al. The Genomic History of Southeastern Europe. In: *Nature*, 2018, no. 555, pp. 197–203.
29. Mitnik A. et al. *The Genetic History of Northern Europe*. Abstract at: <https://www.biorxiv.org/content/10.1101/113241v1.full.pdf> (accessed: 06.01.2024).
30. Крывальцэвіч М. Мохай-IV і перспектыва вылучэння асобнага тыпу паселішчаў сярэднядняпроўскай культуры на Верхнім Падняпроўі. In: *Vir Bimaris: Archaeologia Bimaris. Poznań*, 2019, vol. 5, pp. 719–736.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеев Константин Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук Тверской государственной сельскохозяйственной академии;
e-mail: alekseev.k@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin A. Alekseev – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Humanities, Tver State Agricultural Academy;
e-mail: alekseev.k@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеев К. А. Этногенез балтийских племён в контексте индоевропейской проблемы // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 97–107.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-97-107

FOR CITATION

Alekseev K. A. Ethnogenesis of the Baltic tribes in the context of the Indo-European problem. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 1, pp. 97–107.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-97-107